

Он ледяным взглядом уставился на Тан Сяотана. Свет падал сверху вниз, делая черты его лица невероятно четкими и резкими. Контраст теней и световых бликов был поразительно интенсивным, создавая почти бесчеловечную суровость. Под густыми ресницами мужчины таилась тень, глубокая и непостижимая.

Сахар в шоке, сахар напуган, сахар в панике!

Тан Сяотан завопил «А-а-а!», задергался, пытаясь сбежать, но железная хватка Сы Ханьцзюэ не позволяла ему пошевелиться и на миллиметр.

Сы Ханьцзюэ издал короткий, насмешливый холодный смешок. Тан Сяотан наконец сообразил: протянутая хозяином ладонь была вовсе не знаком примирения — хозяин ждал, когда он сам попадёт в ловушку!

По сравнению с хозяином, сахар действительно ещё слишком зелен!

Маленькое сердечко Тан Сяотана колотилось, как у воробья, севшего на оголённый провод: трещало и искрило, не зная, куда податься — ни влево, ни вправо, везде были ловушки!

Хнык.

Сы Ханьцзюэ холодно наблюдал за отчаянно вырывающимся мармеладным мишкой. Но тот, ещё секунду назад такой упрямый, словно одумался, шлёпнулся плашмя и замер, не двигаясь. Его маленькое тельце вздрагивало, будто он плакал.

Плач не поможет.

Сы Ханьцзюэ ожесточил сердце и спросил:

— Понял, в чём был неправ?

— По... понял..., — Тан Сяотан сдался полностью, его торчавшие ушки-завитки жалко обвисли, показывая, что он и вправду всё осознал.

Сы Ханьцзюэ:

— Где был?

— Ни... нигде не был... просто гулял по району... гу... А-а-а!!!

Тан Сяотан вскрикнул от боли, когда его холодящая попка внезапно пронзила острая боль.

Сы Ханьцзюэ надавил пальцем, а затем резко отпустил, щёлкнув по круглой попке мармеладного мишки.

Он тщательно контролировал силу, боясь по-настоящему ранить нежного мармеладного мишку. В момент, когда кончик пальца коснулся тела медвежонка, та половинка попки, что была похожа на желе, с шлепком задрожала, породив упругую маленькую волну.

Один щелчок, от которого ёкнуло сердце.

Тан Сяотан в ужасе обернулся и увидел Сы Ханьцзюэ, холодного, как божество убийства. Мужчина, прижав большой палец к кончику среднего и накопив силу, целился прямо в сахарную попку, жестоко приподняв бровь.

— Научился врать?

Тан Сяотан:

— Нету! Честно, нету!

В глазах Сы Ханьцзюэ мелькнуло движение.

— Говори, где был.

— Просто... просто вышел погулять, к озеру...

Всё ещё врёт. Сы Ханьцзюэ разозлился. Он посмотрел вниз: крошечный сахар, лежащий у него на коленях, был размером всего с пол-ладони. Маленькие ручки, маленькие ножки. Кроме попки и головы, бить было особо некуда. Щёлкнешь по голове — станет дурачком. Оставалось целиться в эти два круглых, желеобразных полушария.

Пальцы разжались, в воздухе прозвучал лёгкий «шлёп».

Второй щелчок, полный гнева.

Тан Сяотан издал протяжное «А-а-а».

Словно котёнок, наступивший на хвост.

Хозяин оказался таким жестоким!

Милота не сработала, объятия тоже не помогли!

Неужели хозяин разлюбил сахар!

После двух подряд щелчков по попке все надежды Тан Сяотана на пощаду развеялись в прах.

Мармеладный мишка захныкал, издавая тонкие всхлипы. Как же сахару больно.

Слёзы, растопленные из сахарного сиропа, были сладкими и ароматными. Крошечная капля розовой жидкости, словно снежинка, бесшумно растаяла на пижаме Сы Ханьцзюэ, оставив лишь маленькое розовое пятнышко.

Из-за чрезвычайно сильных эмоций Тан Сяотана в воздухе будто взорвалась маленькая конфетная бомба. Ароматная сладость целыми толпами атаковала нервы Сы Ханьцзюэ, будто мстя за хозяина, особой молочной свирепостью.

Не могу тебя победить, так уж постараюсь усладить до смерти!

Тонкий, мягкий плач заставил сердце Сы Ханьцзюэ содрогнуться от боли. Но он не мог так просто отпустить этого озорного мармеладного мишку.

Это был вопрос принципа.

Сы Ханьцзюэ снова надавил пальцем, угрожающе.

— Говори, где был.

Сахар умирает от боли!

Тан Сяотан хныкал и ухал, отчаянно дрыгая ручками и ножками. У сахара есть характер, сахар не скажет!

Избалованный ребёнок, привыкший к баловству, не выносил ни малейшей обиды.

Более того, ведь изначально был неправ хозяин! Хозяина полюбил кто-то другой! Сахар просто... сахар просто ревновал!

Сахарные слёзы капали кап-кап, быстро промочив маленькое розовое пятно на пижаме.

Впервые сладкий аромат стал приторным и раздражающим.

Его конфетка рассердилась.

Но он не мог уступить.

Если продолжать так баловать, наивный и чистый мармеладный мишка действительно может попасть в опасность!

Сы Ханьцзюэ заставил себя сохранять холодное выражение лица.

— Говори, где был. Скажешь — прощу.

Разъярённая конфетка вся покраснела, медово-красный цвет стал густым, как пламя. Тан Сяотан громко расплакался:

— Хозяин плохой! Хозяин самый плохой! Сахар не любит хозяина!

— Сахар тебя не любит!

Сы Ханьцзюэ слегка опешил.

Лёгкий гнев зверя, раздражённого одной фразой, превратился в ярость чудовища. Тень бесконечно разрослась в его сознании, отблески золотого света отразились в глубине глаз, жуткие и демонические.

Дыхание бессознательно остановилось, отчего воздух стал мёртвенно тихим.

Тан Сяотан, накричав в порыве своеволия, испугался внезапно замолчавшего хозяина.

Перед бурей хозяин был пугающе спокоен.

Спустя долгое время Сы Ханьцзюэ тихо фыркнул.

— Нельзя.

Мармеладный мишка недоумённо моргнул.

Сы Ханьцзюэ прикрыл глаза. Он стиснул зубы, мышцы щёк окаменели, профиль напрягся. И без того глубокие и чёткие черты лица внезапно обрели устрашающую, зловещую ауру.

Он холодно, слово за словом, медленно, с угрозой, полной леденящего, как иней, озноба, произнёс:

— Нельзя не любить меня.

— Сказанного нельзя брать назад.

Сы Ханьцзюэ слегка наклонился вперёд, большая часть его лица скрылась в тени, лишь тонкие, бескровные губы тихо шевельнулись.

— Попробуй только.

Он протянул руку, щёлкнул пальцами — легко и медленно — попал по попке мармеладного мишки.

Третий щелчок, содержащий кровожадную угрозу и страх быть брошенным. Сила из глубины сердца по каналам передалась к кончикам пальцев, движение разжатия потребовало невероятных усилий.

Щелчок, попавший в тело, причинил пронзающую, разъедающую кости боль.

Тан Сяотан почувствовал, будто его сковали, подвергли насильственному принуждению. Он прикрыл рот рукой, не в силах даже издать «а».

В следующее мгновение сковывающая хватка Сы Ханьцзюэ ослабла. Он легко швырнул мармеладного мишку на журнальный столик. Белки глаз мужчины были красными, покрытыми паутиной кровеносных сосудов. Весь он был леденяще страшен. Он поднялся и, не оглядываясь, ушёл в комнату, бросив лишь ледяные слова:

— Сам подумай над своим поведением.

Тан Сяотан шлёпнулся на холодную чёрную мраморную столешницу. Попка болела, дёргаясь. Одна ножка, отломившаяся наполовину, безвольно вытянулась, вызывая жалость.

Тан Сяотан моргнул глазами, полными слёз.

Одержимый, коварный, жестокий, бесчеловечный хозяин был таким страшным.

Тан Сяотан испугался. Он сидел на холодной каменной поверхности столика, выставив сломанную ножку, и тоскливо смотрел всему уходящей спине хозяина.

Статная и мощная спина Сы Ханьцзюэ не оставляла ни капли снисхождения, в мгновение ока исчезнув в спальне. Спустя секунду мужчина безжалостно запер дверь в спальню.

Маленький взгляд Тан Сяотана был полон смятения и жалости. Он смотрел на запертую дверь, не зная, что делать.

Спустя мгновение мармеладный мишка скривил губки и обиженно заплакал.

Хозяин рассердился, хозяин не хочет сахара!

Сахар знает, что был неправ.

Но успел ли он понять это вовремя?

Прикрыв глаза ручками, Тан Сяотан горько плакал, как вдруг откуда-то появился шорох шагов. Тан Сяотан убрал ручки и увидел выглядывающего Цзян Юя.

Лицо Цзян Юя было ярко-красным. Он прятался за стеной, ухватившись за неё обеими руками,

выставив лишь два раскосых глаза-персика, и уставился на мармеладного мишку.

Тан Сяотан: ...

Цзян Юй неловко улыбнулся, его глаза-персики изогнулись.

— Я ничего не видел.

Тан Сяотан: ???

Сахар чувствует, что здесь что-то не так.

Тан Сяотан, обхватив ножку с отломанным кусочком, с серьёзным видом наклонил голову и поманил рукой.

Не знаю, как вам, а мне писалось очень даже хорошо...

Господин Сы очень-очень любит Сяотана, просто ситуация была действительно опасной, а он — принципиальный возлюбленный, да.

Спасибо всем, кто голосовал за меня или поливал меня живительной влагой в период с 2020-11-15 23:29:13 по 2020-11-16 19:55:00~

Спасибо бросившим гремучую: Тимошенко, Т Сириус Т — по 1 шт.

Спасибо поливавшим живительной влагой: И Сяньшэн-дэ Хэ — 126 бутылок; Сан Жо — 10 бутылок; Сюань Доу — 5 бутылок; Поэзия и вино, пока молод — 1 бутылка.

Огромное спасибо за вашу поддержку, я буду продолжать стараться!

<http://bllate.org/book/15589/1395469>